

ЛЮБОВЬ ЧИКАНОВА

БЕЗ БОЛИ ПРОЩАЯ

* * *

Мороз ударит, как кобыла ножкой цокнет,
Так звонко с искрою, от искры загораясь,
Сгорит вся жизнь моя, но музыка не смолкнет
Над равнодушной родиной, в которой маюсь.

Нестройный хор собак голодных, малых птах.
Нестройной музыки печальная основа.
Свистели вы, рычали, пели, разгоняли страх.
Не помня зла, вы начинали снова.

На что оставлю вас, кому оставлю вас?
Вы музыку нестройную играли.
Я тотчас же умру, без вас умру тотчас,
Ведь музыку души мы вместе составляли.

Но шлют они свое последнее танго
И плачут горестно в осеннем парке.
И кружит лист последний, наголо.
Прощай, прощай — и меркнет свет неяркий.

ЧИКАНОВА Любовь родилась в 1972 году в крестьянской семье в деревне Поспелиха Алтайского края, где прошло ее детство и отрочество. Именно там были написаны ее первые стихотворения. В настоящее время окончила Литинститут им. Горького (семинар Ст. Куняева). Живет в Москве.

Но занесет меня в гербарий тот страна.
Как я представлю это, так картина станет
Печальнее. Насыплет серебра
Холодный снег на головы. Убьет, обманет.

А я то лучшее, что есть в такой стране,
В Москве постнэповской, бандитской —
Я шеститомник красного Твардовского в руке
Несу, как памятник эпохе замполитов.

Сегодня кормчий твой — сухой барыш, страна.
Разводят старики, что были крепче раньше.
Лишь мир реклам цветет и пахнет, господа,
Но как же хочется вспороть всю эту фальшь мне.

* * *

В зеленые цветки твоих творений,
Вся окунаясь в медленную тьму,
Лишь написав чуток стихотворений,
Я упаду на землю и умру.

И все увижу в том неярком свете,
Но в свете из каких-то дивных грез.
Святые видят их и, верно, дети
И то лишь ненароком, не всерьез.

И я прощу, в то лучшее уверив.
Прошу друзей, прощу своих врагов.
Но все ж мои цветы, что срезал лемех,
Не зацветут на черноте лугов.

Но пусть споет на синей пелеринке
В воздушных зыбях, в реющем снегу
Стриж в небесах, расшитых по старинке,
С сигнальным колокольчиком в зубу.

Медведиха урчит под темным небом,
А медвежонок тянет молоко.
В глухом лесу святой накормит хлебом
Медведя, словно брата своего.

И с этой песней звонкой и прощальной,
Среди цветов незыблемых твоих
Пусть мой цветок, цветок простой печальный
Грустит среди цветов и трав тугих.

* * *

Еще тревожны желто-бурые поля и лес,
Белеют жидкие стволы берез во мраке елей,
Осталось времени до зимних холодов в обрез,
Последний слабый лист сорвется наконец,
И первый чистый снег закружит еле-еле.
Так тихо станет и светло, на всем смиренья знак.
Я еду в поезде, не говоря ни слова,

Смотрю в окно, там догорит закат.
Не страшно мне, что в жизни тоже так,
Но жизнь совсем не повторится снова.
И пусть мои глаза, как в столбняке,
Глядят во тьму, бинокль им не нужен,
Чтоб видеть жизнь. Сжимаю в кулаке
Всей жизни прошлой прах, печали те
И слезы для последней трудной службы,
Простой и русской. И березы все,
Весь русский лес в полях зашевелится
И по градам и весям, как в тоске
Разбойничьей: “Не плачь, красавица, по мне”,
Качаясь, запоет от речки Обь до Вислы...
Из тех далеких рощ, с блаженных берегов,
Что на земле лишь звук, лишь ласточка привета.
Там тень твоя, поговори со мной, я не боюсь ответа.
И первый снег, и грязь, и серебро снегов,
И русских не забыть полей, лесов...
Два дня проспав в постели, заболеть.
Приснится, что жалеют, да малина с чаем
И книги на столе. Что друга не встречаешь?
Онегин бодр, снег выпал в январе.
Пойдем посмотреть в который раз кино
И слушать шум и разговоры, в домино
И в карты баловать, а там за кружкой пива,
Глядишь, и жизнь пойдет, как девочка, красива.
Ты полюбуйся на нее, пока есть силы,
Пока ее не скушала могила. Помедли, время, счет!
Смотри во все глаза, смотри, она моя еще.

* * *

Было осеннее золото в листьях,
Были вверху небеса по-осеннему серы.
Что вы шумели, как эти печальные мысли,
Что вы шумели, последние листья, без меры?
Листья осенние, листья под небом осенним,
Что вы шумели и сыпали золотом в грязи
Черных размытых дорог, обжигая последней
Песней печальной, как русские князи?
Так обнимите меня, обнимите за плечи
И отпустите, прощаясь, без боли прощая.
Я хочу жить, хочу верить и если мне нечем
Жизнь обласкать, разве только любить обещая.